

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОВОРОТ: ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СССР В 1970-е гг.

Рассматриваются научно-внедренческие проблемы в сельском хозяйстве СССР в 1970-е гг. Анализируются основные подходы к организации внедрения: дебиюкратизация управления наукой и внедрением с усилением экономических акцентов, с одной стороны, и совершенствование организации науки с опорой на «демонстрационный эффект» базовых хозяйств – с другой. Сделан вывод, что комплексное использование этих подходов могло привести к положительному результату, однако высшей властью в стране был избран иной, бюрократический, сценарий развития аграрной отрасли.

Ключевые слова: аграрная наука; сельское хозяйство; научно-производственная интеграция; бюрократизация; СССР.

Характерной чертой сельского хозяйства в СССР являлась его слабая восприимчивость к использованию научных рекомендаций [1. С. 14]. «Союз государства, науки и земли», о котором мечтал выдающийся ученый и организатор аграрной науки академик Н.И. Вавилов, так и не воплотился в жизнь [2. С. 410]. Конечно, в экстренных и исключительных случаях государство могло добиться быстрого результата, как это, например, произошло с внедрением почвозащитной системы на целинных землях. Однако данные примеры, во-первых, носят, скорее, единичный характер и, во-вторых, необходимость быстрого и масштабного внедрения почвозащитной системы была вызвана предшествующими ошибками целинного освоения, вызвавшими к жизни эрозионные процессы на обширных территориях.

Между тем на протяжении длительного времени в нашей стране шел активный поиск своего рода «внедренческой модели», способной связать науку и производство воедино. Конечно, на этот поиск негативно влияли многочисленные факторы, от организационно-научных до политических. Но, тем не менее, был накоплен интересный и поучительный опыт организации внедренческой деятельности, открывающий определенные возможности для научно-производственной интеграции, не реализованные в силу тех или иных причин. Анализ этого опыта представляется весьма важным как в плане углубления наших знаний в области аграрной истории советского периода вообще, так и в плане решения современных проблем «онаучивания» аграрной отрасли. К тому же надежды на то, что рынок автоматически выступит в роли мощного научно-производственного интегратора аграрной экономики, не оправдались. Хотя нередко слышатся на этот счет оправдания, что мол рынок у нас пока что «не тот». Когда же он будет «тот», никто конкретных, даже приблизительных, дат не называет. Попытки организации внедренческой деятельности по типу западных консультационных служб не дали ожидаемого эффекта. Между тем современные тенденции в области международных отношений требуют скорейшего обеспечения продовольственной безопасности страны.

Обращение к аграрной научно-производственной проблематике вызвано также и тем, что в научной исторической литературе, за небольшим исключением, данные проблемы до сих пор не привлекли внимание исследователей [3]. Ученые-аграрники, в свою

очередь, ограничивались, как правило, констатацией «расчетного», естественно, положительного экономического эффекта от возможного внедрения достижений науки в производственную практику, оставляя, таким образом, организационно-внедренческие проблемы в стороне. При таком подходе складывалась весьма благоприятная картина состояния научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве, назывались «сказочные» сроки внедрения научных рекомендаций: в области растениеводства – 4 года, животноводства – от 3 до 4 лет, химизации – 2–3 года, экономики – 1–2 года [4]. В целях исправления сложившейся историографической ситуации и предлагается данная статья.

Основные принципы организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственную практику были сформулированы академиком Н.И. Вавиловым. Прежде всего, он предупреждал об опасности увлечения административной стороной дела во внедренческой деятельности, отводя научным учреждениям роль «консультанта» земельных органов [5. С. 122]. Организация внедрения научных рекомендаций, как считал Николай Иванович, должна стать делом практических работников, прежде всего экономистов. В условиях НЭПа внедрение должно было стать делом общественной агрономии. В 1930-е гг. продвижением научных рекомендаций в сельскохозяйственную практику призвана была заниматься создаваемая в стране обширная сеть институтов организации сельского хозяйства. Кроме того, в целях активизации внедренческой деятельности Н.И. Вавилов считал целесообразным значительную часть опытных учреждений перевести на бюджет производственных организаций. В условиях подавляющего государственного «дирижизма» в экономике открывались широкие возможности быстрого «онаучивания» сельского хозяйства огромной страны, но в то же время появлялась и опасность того, что возможные ошибки и просчеты могли быть «растиражированы» на территорию всей страны. Поэтому Н.И. Вавилов указывал на необходимость внедрения в производство лишь проверенных и вполне доказательных результатов, считая полезным при этом, во избежание возможных ошибок, даже пойти на ограничение масштабов исследовательской деятельности [Там же. С. 74].

К сожалению, опасения Н.И. Вавилова подтвердились, и очень скоро. Акцент был сделан на чисто административные методы организации внедренческой

деятельности. В 1950-е гг. создается бюрократическая внедренческая вертикаль от районного до союзного уровня. В условиях установившегося в аграрной науке доминирования группы академика Т.Д. Лысенко в сельскохозяйственное производство насаждаются многочисленные и широко разрекламированные рекомендации сомнительной эффективности. В полигон для их внедрения превратилась, в частности, Сибирь. Большой вред сельскому хозяйству региона принесло насаждение ранних сроков сева зерновых культур, стерневых посевов озимых, внедрение так называемой пропашной системы земледелия. Автором этих рекомендаций не всегда был Т.Д. Лысенко: находясь в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Омске, он приобрел в Сибири много единомышленников. Иногда инициаторами нововведений выступали сами представители высшей власти страны, например, идея ликвидации чистых паров принадлежала Н.С. Хрущеву, ученые подвели под нее лишь соответствующий «научный» фундамент.

Подчеркнем, что в целом обращение лысенковцев к организационным аспектам внедрения имело чисто ситуативный характер, причем активизировалось именно тогда, когда их доминирующее положение находилось под угрозой [6]. При этом чаще всего дело ограничивалось демагогией о «большевистской энергии в применении достижений» [7. С. 354], «массовом производственном эксперименте», который представляет «самый верный путь к познанию живой природы, практическое управление ее явлениями», когда в условиях производства «человек изменяет условия роста и развития растений» [8. С. 330].

Нередко важные и полезные начинания в области организации внедренческой деятельности в условиях господства лысенковщины были дискредитированы, как это, в частности, произошло с опытно-показательными хозяйствами в начале 1960-х гг. Организованные в 1961 г. по всей стране с целью пропаганды новых научных достижений непосредственно в производственных условиях, они вскоре стали жертвой внедрения непродуманных рекомендаций и были повсеместно ликвидированы (за исключением Белоруссии, где они прекрасно себя зарекомендовали).

Развенчание Т.Д. Лысенко в середине 1960-х гг. позволило ученым и производственникам, наконец, обратить на внедрение достижений науки в сельскохозяйственное производство самое серьезное внимание. Однако потребовалось некоторое время, чтобы нормализовать ситуацию непосредственно в сельскохозяйственной науке. Были осуществлены серьезные мероприятия в области повышения научно-методического и методического уровней исследований, структурно-функциональные изменения в научной сети; устанавливался порядок, согласно которому могли рекомендоваться для внедрения в производство только те научные предложения, которые внедрены в опытное хозяйство научного учреждения и доказали высокую экономическую эффективность. Следует принимать во внимание и то, что в середине 1960-х гг. еще не были оформлены представления о направлении реформ в научно-внедренческой деятельности. Вместе с тем в процессе преодоления трагических

ошибок освоения целины уже выкристаллизовывался полезный опыт, элементы которого возможно было использовать в будущем: в частности, освоение и внедрение почвозащитной системы земледелия строилось на базе «модельных» хозяйств. На юге Западной Сибири, например, таким хозяйством стал совхоз «Кулундинский» Алтайского края.

Начало широкому обсуждению внедренческих проблем было положено в феврале 1972 г. на совещании руководителей «научных» подразделений Министрств сельского хозяйства СССР и союзных республик, а также отделений ВАСХНИЛ. Было констатировано ограниченное влияние использования преимущественно пропагандистских подходов во внедренческой деятельности, поскольку «применяемые средства пропаганды не всегда доходят до колхозов и совхозов. Большинство издаваемой литературы... скапливается в областных центрах и работники производства ее не читают» [9. Л. 4]. Среди рекомендуемых мер указывалось, в частности, на целесообразность перевода экспериментальных хозяйств научных учреждений на полный хозрасчет с использованием до 25% прибыли от их производственной деятельности на расширение и укрепление научной и материальной базы НИР, а также рассматривался вопрос об организации научно-производственных объединений и хозрасчетных внедренческих подразделений при научных учреждениях [Там же. Л. 2–4]. Таким образом, наметился поворот к использованию экономических акцентов в области внедренческой деятельности.

Немного погодя, летом того же 1972 г., в Литовском НИИ земледелия состоялось рабочее совещание директоров научно-исследовательских институтов земледелия и сельского хозяйства СССР. Место проведения совещания было выбрано не случайно: в прибалтийских республиках СССР процессы научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве решались более успешно, нежели в других местах. В Литве, например, по рекомендациям ученых было осуществлено коренное преобразование более половины всех сельхозугодий, урожайность зерновых на таких землях была повышена на 40%; продуктивность долголетних культурных пастбищ возросла в 4 раза; с большим экономическим эффектом решались вопросы повышения плодородия почв, использования удобрений, совершенствования структуры посевных площадей. Применение научных достижений Литовского научно-исследовательского института земледелия, на базе которого проводилось совещание, наряду с другими мерами, осуществляемыми в республике, дало возможность колхозам и совхозам за последнее десятилетие поднять урожайность зерновых более чем в 2 раза, заметно укрепить кормовую базу животноводства и увеличить производство мяса в 2,6 раза, молока – в 1,9 и надои в среднем от коровы – в 1,6 раза [10. С. 346–347].

Чем же можно объяснить эти успехи? В ходе совещания выяснилось, что управление аграрными исследованиями и внедрением научных рекомендаций в республиках Прибалтики имеет более децентрализованный характер. Планы научной и производственной деятельности аграрных научных учрежде-

ний здесь не рассматриваются и не утверждаются районными организациями, а полностью решаются самими институтами, производственные отделы которых, по сути, по отношению к своим опытно-экспериментальным хозяйствам выполняют функции районного управления сельского хозяйства. НИИ вместе с опытно-экспериментальными хозяйствами составляют единый научно-производственный комплекс. Причем количество данных хозяйств весьма значительно, например, в подчинении Эстонского НИИ земледелия и мелиорации находилось 14 хозяйств. Данная система научно-производственной интеграции в республиках Прибалтики полностью себя оправдала и, по убеждению ученых, не требовала создания никаких новых бюрократических научных и производственных надстроек [11. Л. 3–4].

Претензии ученых были связаны с недостатками в деятельности экспериментально-опытных хозяйств. Для этого предлагалось прекратить практику формирования сети хозяйств институтов за счет отстающих хозяйств, отказаться от их перегрузки планами по производству непрофильной продукции. Учеными ставилась задача целесообразности перехода экспериментальных и опытных хозяйств научных учреждений на полный хозрасчет.

В конечном счете на совещании в Литовской ССР предполагалось в ходе реформы создать систему, которая учитывала бы, во-первых, интерес государства (земля государственная и должна давать продукцию, тем более в руках ученых); во-вторых, интерес научного учреждения и науки в целом в продвижении в производство качественной и эффективной научной продукции; в-третьих, интерес рабочих и служащих экспериментальных хозяйств, чтобы они поощрялись как за производство продукции, так и за своевременное и качественное проведение опытов и экспериментов. Участниками совещания особо подчеркивалось, что решение проблемы научно-производственной интеграции только в административно-организационном плане представляется явно недостаточным [Там же. Л. 5].

Завершающим мероприятием в области определения научно-внедренческой модели в сельском хозяйстве стало проведенное в Киеве в феврале 1974 г. все-союзное совещание, посвященное рассмотрению опыта организации внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство в союзных республиках СССР. О значимости вынесенной на обсуждение проблемы для аграрной отрасли говорили и участники совещания: заместитель министра сельского хозяйства СССР И.Н. Кузнецов, заместитель министра сельского хозяйства РСФСР Н.И. Цибизов, руководители главных управлений сельскохозяйственной науки и пропаганды союзного и республиканских министерств сельского хозяйства. На этот раз в центре внимания оказались организационно-научные проблемы внедренческой деятельности. Была подвергнута критике практика составления государственных планов внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство, когда в план включались несколько тысяч позиций, проконтролировать выполнение или невыполнение которых было совершенно

невозможно, тем более невозможно было оказывать какое-либо влияние на его реализацию. На совещании выяснилось, что в государственном плане внедрения не учитывалась специализация сельскохозяйственного производства союзных республик, а использовался принцип «всем сестрам по серьгам». Предлагалось в будущем избегать «внедренческого» многоотемья, а заняться освоением в производстве небольшого количества важнейших комплексных тем [12. Л. 8–12].

Большое внимание на совещании было уделено недостаткам в области построения научно-опытной сети по сельскому хозяйству. Предполагалось, что принципиальными глубокими разработками научных проблем развития сельскохозяйственного производства должен заниматься довольно узкий круг ведущих НИИ, большинство же научных институтов сельскохозяйственного профиля должны заниматься практическими разработками.

Серьезной критике подверглась деятельность опытных станций, которые превратились в своеобразные «миниинституты», ведущие исследования разных уровней – от теоретических до прикладных. Было указано на необходимость нацелить опытные станции на отработку рекомендованных НИИ технологий применительно к зоне своей деятельности, а также апробацию технологий в 2–3 хозяйствах зоны их деятельности.

В целях приближения науки к производству обсуждался вопрос об организации научно-производственных объединений, призванных разрабатывать комплексные технологические решения в различных отраслях производства и оперативно их внедрять во входящие в состав НПО хозяйства [12. Л. 16–17].

Вновь был поднят вопрос о переводе на хозрасчет экспериментальных хозяйств научных учреждений с тем, чтобы вырученные средства направить на развитие производственной базы. Причем подчеркивалось, что экспериментальные хозяйства на 5–10 лет должны опережать в своем развитии окружающие хозяйства. Поскольку экспериментальные хозяйства комплексных многоотраслевых НИИ не могли конкурировать по уровню рентабельности с узкоспециализированными, то было высказано предложение вернуться к практике деятельности функционировавших в начале 1960-х гг. опытно-показательных хозяйств [Там же. Л. 22–23].

Было высказано и предложение разрешить руководителям НИИ и учебных заведений сельского хозяйства увеличить фонд зарплаты в размере до 50% объема работ, выполненных по хозяйственным договорам [Там же. Л. 27–28].

На протяжении длительного времени предметом гордости советских аграрников являлась численность ученых и научных учреждений по сельскому хозяйству, что рассматривалось в качестве серьезного подтверждения заботы партии и правительства о состоянии дел в отрасли. На ограниченность такого подхода указывал в свое время еще академик Н.И. Вавилов: «Удельный вес науки в стране определяется средствами, отпускаемыми по государственному бюджету, числом исследовательских институтов, научным уровнем университетов и высших технических школ, но и высотой научного полета, шириной кругозора ее

деятелей» [2. С. 357–358]. На совещании было указано на недостаток молодых талантливых ученых, имеющих хорошую подготовку. Особенно любопытно, что был поставлен вопрос о возможности закрытия неэффективно работающих научно-исследовательских институтов и опытных станций [12. Л. 30]. Все это говорит о серьезных проблемах, накопившихся в советской сельскохозяйственной науке.

Итак, в процессе обсуждения проблем внедренческой деятельности выявились следующие подходы. Руководители научных учреждений, знакомые с внедренческими проблемами не понаслышке, а реально представляющие их ограниченный характер и слабую эффективность, считали это закономерным следствием бюрократизации науки и внедрения, и, следовательно, ратовали за освобождение научных учреждений и их производственных подразделений от управленческого диктата сверху, а также предлагали усилить экономические методы во внедренческой деятельности, по сути дела, речь шла о формировании более гибкой системы производственных отношений в сельском хозяйстве, учитывающей интересы как ученых, так и производственников.

Представители организационно-научных структур при сельскохозяйственных органах главную проблему видели в недостатках научно-опытной сети: в многообразие, перегруженности научных учреждений научно-исследовательской работой «общетеоретического» характера при слабой разработке прикладных проблем, копировании опытными станциями, которые изначально были ориентированы на внедрение, деятельность НИИ и т.д. Вместе с тем и в этой среде считалось необходимым уделить большее внимание разработке экономических механизмов, стимулирующих внедренческие процессы. Предложение воссоздания сети опытно-показательных хозяйств весьма красноречиво и свидетельствует о том, что в административно-научной среде в области внедренческой деятельности значительное внимание отводилось также не бюрократическим методам, а «демонстрационному эффекту».

При всех отличиях в подходах ученых и «организаторов науки», на наш взгляд, их комплексное использование могло оказаться весьма полезным. Формирование при научных учреждениях «пояса» аграрного благополучия, где наиболее успешно и эффективно осуществлялась интеграция науки и производства, могло послужить примером для окружающих территорий, той управленческой моделью, которая могла быть распространена на отрасль в целом.

К сожалению, развитие реальных сценариев жизни большой страны пошло по другому пути. В ноябре 1975 г. принимается постановление ЦК КПСС «О работе Литовского научно-исследовательского института земледелия по повышению эффективности исследований и внедрению научно-технических достижений в сельскохозяйственное производство», весьма и весьма противоречивое по своему содержанию. Прежде всего в нем отмечается значительная работа института по повышению эффективности научных исследований и внедрению научно-технических достижений в сельскохозяйственное производство, под-

черкивается, что «институт имеет тесную связь с колхозами и совхозами республики, постоянно откликается на их запросы, многие экспериментальные работы ведет непосредственно в хозяйствах» [10. С. 346], указывается серьезная практическая польза производству, полученная в результате внедрения научных разработок института.

Казалось бы, лучшего и желать невозможно и самое время оценить и распространить опыт работы института на другие республики и территории страны. Однако в Постановлении ЦК КПСС «секрет успеха» рассматривался как результат деятельности партийных организаций институтского и районного уровней, а никак не большей свободы научных учреждений и хозяйствующих структур от вмешательства бюрократических органов (как нами показано выше). Более того, в заключительной части постановления рекомендовано «постоянно совершенствовать формы и методы партийного влияния на повышение эффективности научных исследований, усилить работу по подъему творческой активности коллектива, воспитанию ученых в духе глубокой идейности», «шире развернуть политико-воспитательную работу в коллективе», подчеркивается, что «руководство наукой является важным партийным делом» [Там же. С. 349]. Становится понятным, что серьезное реформирование аграрных отношений в целом и научной составляющей в частности не приветствуется партийным руководством страны.

Очередным подтверждением позиции высшей власти страны стало принятое в августе 1976 г. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» [13. С. 523–536]. В Постановлении констатируется, что «серьезные недостатки имеются в организации внедрения в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта, многие ценные научные разработки и рекомендации длительное время не получают широкого применения в производстве». Уделив определенное внимание организационно-научным проблемам, Постановление главным научно-производственным интегратором объявляет административный ресурс. Министерства и ведомства, партийные и советские органы, имеющие отношение к сельскому хозяйству, обязывались «улучшить организацию внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство, обеспечив всемерное ускорение внедрения прогрессивных научно-технических разработок». Достижение поставленной цели предполагалось осуществить посредством улучшения планирования внедренческих работ, их материально-технического и финансового обеспечения, а также путем создания в составе сельскохозяйственных органов специальных координирующих внедренческих подразделений. Кроме этого, в республиках, краях и областях постановили создать межведомственные советы по координации общотраслевых планов внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство, которые должны были возглавляться заместителями председателя Советов министров республик, крайисполкомов и облисполкомов.

Конечно, государственные структуры должны были «возглавить» внедренческую деятельность, и эта деятельность должна была носить активный и всеобъемлющий характер, поскольку длительная экстенсивная традиция в нашей стране, а особенно в Сибирском регионе, непростая история отечественной сельскохозяйственной науки и производства сформировали и особую «антинаучную» психологию производителей. Но «возглавить» – не значит подменить хозяйствующие субъекты, а создать особую атмосферу научного поиска, стремления к овладению новыми и эффективными агроприемами, в конечном счете сформировать у тружеников сельского хозяйства позитивное отношение к науке и ее рекомендациям. Справедливости ради следует отметить, что именно при таком подходе, при наличии талантливых и ответственных региональных руководителей, а также эрудированных ученых, мог быть достигнут положительный результат.

Так, например, произошло в Омской области, где ОК КПСС возглавлял знающий и понимающий сельское хозяйство С.О. Манякин, а находящийся в Омске Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СибНИИСХоз) – академик Н.З. Милащенко (будущий вице-президент ВАСХНИЛ). По производству сильной и твердой пшеницы в середине 1970-х гг. область вышла на первое место в ярово-пшеничной зоне СССР, потребление мяса жителями области приблизилось к медицинским нормам, а по производству мяса на душу населения Омская область вышла на уровень США. И это явилось результатом «сплава науки и производства». Вот как характеризует атмосферу того времени в Омской области современник: «Была создана атмосфера всеобщего стремления к знаниям. Будни руководителей хозяйств, агрономов, зооветспециалистов, специалистов аграрных служб, ученых, ответственных партийных, советских работников были заполнены семинарами, конференциями, конкурсными мероприятиями. Одним словом – учебой, работой, демонстрацией опыта» [14. С. 210]. Именно активная роль партийно-государственных структур, по мнению ученых-аграрников СибНИИСХоза, послужила основанием для положительных перемен в области научно-производственных связей: «В институте не было создано единой системы внедрения достижений науки в производство, а связи с хозяйствами строились преимущественно на желании специалиста отдельного колхоза или совхоза ознакомиться с научно-техническими разработками института. Аналогичная ситуация с освоением новых научно-технических разработок института сохранялась до начала 70-х годов прошлого века, поскольку это была не единая государственная политика, направленная на инновационное развитие отрасли в целом, а отдельная инициатива колхозов и совхозов и ученых института. Активизация этой работы начинается с середины 70-х годов, когда к ней подключились органы руководства сельским хозяйством региона» [15. С. 266]. Бесспорно, что омский «внедренческий» феномен требует самостоятельного скрупулезного изучения и осмысления.

Важное место в интеграционных процессах поставлением 1976 г. отводилось деятельности базовых

опытно-показательных хозяйств, которые должны были быть созданы в каждой природно-экономической зоне области, края и республики, в которых работники сельского хозяйства могли бы на практике изучать опыт использования в производстве передовых технологий и повышать свою профессиональную квалификацию. Однако в условиях усиления бюрократических методов руководства их создание столкнулось с рядом трудностей. Прежде всего, недостаточно тщательно и без участия непосредственных исполнителей был осуществлен подбор базовых хозяйств. Недостаточной и несвоевременной оказалась методическая обеспеченность экспериментов, проводимых в этих хозяйствах. Не хватало материально-технического обеспечения внедрения разрабатываемых мероприятий для базовых хозяйств. Опыт показал, что в большинстве случаев чисто организационными мероприятиями, без совершенствования технологии и повышения уровня механизации, добиться повышения производительности труда невозможно. К концу 1970-х гг. в СССР завершилось создание сети базовых хозяйств, но превращение их в показательные и образцовые осложнялось рядом обстоятельств. Не решался вопрос со снабжением этих хозяйств новой техникой, сортовыми семенами, удобрениями. Не удалось укомплектовать базовые хозяйства и кадрами квалифицированных специалистов. В данной ситуации управленческие структуры, чтобы придать видимость благополучия, прибегли к манипулированию составом базовых хозяйств: худшие из базовых выводились из их числа, колхозы и совхозы с лучшими производственными показателями переводились в состав базовых. Поэтому, например, в Сибири и на Дальнем Востоке их численность не была постоянной и колебалась в районе 130 хозяйств [16. Л. 22].

Бюрократизация управления затронула все звенья хозяйственного механизма, как высшие, так и низовые. Проведенное учеными на примере Новосибирской области исследование показало, что в 1970-е гг. численность персонала управления в колхозах и совхозах увеличилась на 13%, улучшился качественный состав руководителей и специалистов, однако этот рост не сопровождался повышением эффективности управленческого труда [17. С. 178]. Как следствие, ухудшаются экономические показатели в отрасли. По данным сибирских ученых, число прибыльных хозяйств в регионе сократилось с 73% в 1970 г. до 34% в начале 1980-х гг. [18. С. 278].

Попытки внедрения элементов хозрасчетных отношений (выполнение научных исследований на хоздоговорной основе, создание внедренческих структур на основе самоокупаемости) без совершенствования в системе производственных отношений тоже не дало серьезного результата. В условиях нарастающего кризиса управления перестают функционировать и экономические механизмы: «Снизилось стимулирующее значение таких экономических рычагов, как цена, прибыль, кредит и т.д., принижена роль показателя себестоимости продукции», – таков вывод ученых [Там же. С. 275]. В этих условиях сельскохозяйственное производство приобретает все более фондоемкий характер, при этом эффективность

капитальных вложений приобрела устойчивую тенденцию к снижению. В Сибирском регионе, в частности в 1970-е гг., среднегодовая производительность труда выросла на 25%, а фондовооруженность – на 143% [17. С. 175].

Понятно, что нарастание кризиса управления в сельском хозяйстве осложнило и отношения науки и производства. В частности, в отчете о работе СО ВАСХНИЛ за 1979 г. отмечается: «Необходимо упорядочить связи ученых... с производством, которые продолжают оставаться эпизодическими, неконкретными» [16. Л. 21–22]. Так и не удалось сформировать систему экономических и психологических стимулов для производителей, мотивирующих их на внедрение научных рекомендаций. «Уровень эффективности внедрения научных разработок в колхозах и совхозах различен и зависит не только от их актуальности, экономической характеристики, но и от того, насколько руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий осознают необходимость внедрения НИР, подготовленности хозяйств к реализации рекомендуемых разработок» – к такому выводу пришли ученые, подводя итоги своей работы в Х пятилетке (1976–1980 гг.) [19. С. 294].

Бюрократизация и кризис управления в сельском хозяйстве имели своим следствием падение дисциплины труда, бесхозяйственность, даже развитие воровства в колхозах и совхозах, которое превратилось в норму. Именно на рубеже 1970–1980-х гг. в редакцию газеты «Сельская жизнь» (орган ЦК КПСС) поступают многочисленные письма от сельских тружеников, в которых рисуется реальная неприглядная ситуация в отрасли. Вот что написали в газету рабочие пятого отделения совхоза «Красносельский» Кемеровской области: «На нашем отделении, которым руководит Д.Н. Гончаров, нет никакого порядка. Все пьют и воруют. Воруют комбикорм, зерно, поросят. Кто для своего хозяйства, а чаще на бутылку браги. Обо всех этих фактах знают директор совхоза Жеребухин и парторг отделения Лавренович, но молчат. Да и как скажешь, если самим приходится по два раза в день ездить на склад за зерном для личного скота? В закромах Лавреновича, Гончарова и их родственников зерна больше, чем на совхозных складах» [20. Л. 15]. О том же идет речь в письме рабочих совхоза «Медяково» Новосибирской области: «В совхозе сплошное очковитительство. Эти дела творят директор и парторг. Телята растаскиваются и продаются. Потери урожая, расхищение имущества стало правилом» [Там же. Л. 26–27]. Труженики села из совхоза «Комиссаровский» Тюменской области также били тревогу: «Наше хозяйство растаскивают» [Там же. Л. 23]. При этом следует учитывать, что обращение в центральную газету, да еще находящуюся в непосредственном подчинении ЦК КПСС, происходило, как правило, тогда, когда не принимались нужные меры на районном, областном, краевом уровнях.

Однако если случаи прямого воровства хотя все более учащались, но были не повсеместным явлением, то технологические нарушения имели массовый характер. Приведем информацию из совхоза «Береговой» Омской области: «Много сделано в совхозе для

облегчения труда доярок, установлена новая техника. Казалось бы, и продукции в таких условиях можно получать больше. Но вся беда в очень низком качестве кормов. К их заготовке отнеслись бесхозяйственно. Силос, сено перемешали с грязью и снегом. Получается, что все корма есть, а кормить нечем» [21. Л. 33]. Нарушения в области эксплуатации техники приводили к несвоевременному выполнению полевых работ. «В нашем третьем отделении каждой весной повторяется одна и та же картина, – писали механизаторы из алтайского совхоза “Димитровский”, – надо ехать пахать, сеять, а вся техника все еще стоит неотремонтированной. Подходит пора сенокоса, уборка хлебов, а комбайны и жатки только ставят на ремонт. Разве так нужно относиться к важному делу?» [Там же. Л. 126–127].

Понятно, что в условиях бюрократизации экономики, нарастающего кризиса управления, нарушений технологической культуры и усиливающегося воровства «онаучивание» аграрной сферы экономики было затруднено.

Таким образом, в процессе поисков наиболее приемлемой и эффективной внедренческой модели в 1970-е гг. проявились два подхода. Первый из них, представленный руководителями аграрных научных учреждений, предусматривал дебюрократизацию руководства аграрной наукой со стороны вышестоящих управленческих структур, формирование более гибкой системы производственных отношений в аграрной сфере, учитывающей интересы различных звеньев научно-производственной цепи. Возможно, эти перемены предотвратили бы последующие негативные сценарии развития страны. Ведь в случае успеха произошло бы насыщение торговой сети качественной сельскохозяйственной продукцией, стол советского человека стал бы более разнообразным и обильным, его социальное благополучие – более качественным и оптимистичным, не произошло бы изменения идеологических ориентиров населения, в результате которых, как пелось в одной из песен, «выцвело красное знамя».

Второй подход, сформулированный руководителями «научных» подразделений в союзном и республиканских министерствах сельского хозяйства, был ориентирован на совершенствование организационно-научных аспектов внедрения: улучшение планирования, координации, финансирования внедренческих работ, оптимизации научно-опытной сети и т.д., что позволяло бы формировать более обоснованные и эффективные рекомендации. В принципе, оба подхода, используемые в комплексе и дополняющие друг друга, могли привести к положительному результату. Один был направлен на повышение уровня предлагаемых производству разработок, другой – на широкое освоение этих рекомендаций производством.

Созданный в стране производственный, кадровый, научный потенциал позволял осуществить переустройство аграрной экономики в нужном направлении без социальных катаклизмов. Однако высшие партийные структуры развитие страны направили по иному, самому неэффективному, бюрократическому, сценарию.

В его рамках аграрная научно-производственная интеграция могла реализовываться только в узких локальных масштабах отдельных хозяйств либо, в лучшем

случае, отдельных регионов. Так и несостоявшийся «союз государства, науки и земли» явился одним из предвестников будущих потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новоселов Ю.А. Экономика не слышит заклинаний // Земля сибирская, дальневосточная. 1990. № 1. С. 14–16.
2. Вавилов Н.И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки. М.: Сов. Россия, 1990. 345 с.
3. Рычков А.В. Наука и сельское хозяйство в СССР во второй половине XX века: основные проблемы взаимодействия // Вестник государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2013. № 2 (21). С. 81–84.
4. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАО). Ф. 2076. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.
5. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления. М.: Агропромиздат, 1987. 384 с.
6. Рычков А.В. Научно-внедренческая «эквilibристика» академика Т.Д. Лысенко // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 16–20.
7. О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина 31 мая – 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ-СельхозГИЗ, 1948. 536 с.
8. Дворянкин Ф.А. Дарвинизм: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма. М.: МГУ, 1964. 448 с.
9. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 40. Д. 921.
10. Справочник партийного работника. М.: Политиздат, 1976. Вып. 16. 486 с.
11. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 923.
12. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 3106.
13. Ленинская аграрная политика КПСС: сб. важнейших документов (март 1965 г. – июль 1978 г.). М.: Политиздат, 1978. 680 с.
14. Время Манякина. Воспоминания. М.: Омское землячество в Москве, 2011. 460 с.
15. Храмов И.Ф., Кошелев Б.С. Развитие сельскохозяйственной науки в Омском регионе. Омск: ФГБНУ СибНИИСХ; ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина; ЛИТЕРА, 2015. 588 с.
16. ГАО. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 417.
17. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за 1981 г. Новосибирск: СО ВАСХНИЛ, 1982. 296 с.
18. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за 1983 г. Новосибирск: СО ВАСХНИЛ, 1984. 384 с.
19. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за десятую пятилетку и 1980 год. Новосибирск: СО ВАСХНИЛ, 1981. 310 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 244.
21. РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 242.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 мая 2017 г.

A FAILED TURN: FROM THE HISTORY OF ORGANIZING IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC RESEARCH IN AGRICULTURE IN THE USSR IN THE 1970S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 153–160.

DOI: 10.17223/15617793/422/22

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: agrarian science; agriculture; research and production integration; bureaucratization; the USSR.

The article considers the problems of organizing the introduction of scientific recommendations into agricultural production in the USSR. The difficult, and sometimes even tragic, history of agrarian science and production in our country was the reason why organizational and innovative problems became the subject of a serious discussion of scientists and practitioners only in the 1970s. Two approaches emerged in the search for the most acceptable and effective implementation model. The first of them, represented by the leaders of agrarian scientific institutions, provided for the de-bureaucratization of the management of agrarian science by higher administrative structures, the formation of a more flexible system of production relations in the agrarian sphere, taking into account interests of various links in the scientific and production chain. Perhaps, these changes would have prevented future negative scenarios of the country's development. After all, if successful, the trade network would have been saturated with high-quality agricultural products, the menu of the Soviet man would have become more diversified and plentiful and social well-being would have been more qualitative and optimistic, the ideological landmarks of the population would not have changed. The second approach, formulated by the heads of the "scientific" units in the union and republican ministries of agriculture, aimed at improving the organizational and scientific aspects of implementation: improving planning, coordination, financing of innovative works, optimization of the scientific and experimental network, etc., which would have allowed to formulate more informed and effective recommendations. An important role was assigned to the "demonstration effect" of the organized network of basic farms. Actually, both approaches could lead to a positive result, used in a complex as complementary to each other. One aimed at increasing the level of the proposed developments, while the other aimed at a wide adoption of these recommendations by production. The production, personnel, scientific potential created in the country made it possible to carry out the reorganization of the agrarian economy in the necessary direction without social cataclysms. However, the highest party structures directed the country's development by a different, most inefficient, bureaucratic scenario. Within its framework, agricultural research and production integration could be realized only in the narrow local scales of individual farms, or, at best, of individual regions. And the failed "union of the state, science and the soil" was one of the harbingers of future upheavals. Thus, according to the author, of all the possible options for the development of the agrarian sphere in the USSR in the 1970s the authorities chose the most unfavorable: the bureaucratization of the branch led to administrative chaos, the fall of labor discipline and theft. The "scientification" of agriculture under these conditions was much complicated.

REFERENCES

1. Novoselov, Yu.A. (1990) Ekonomika ne slyshit zaklinaniy [The economy does not hear spells]. *Zemlya sibirskaya, dal'nevostochnaya*. 1. pp. 14–16.
2. Vavilov, N.I. (1990) "Zhizn' korotka, nado speshit'": Publitsistika klassikov otechestvennoy nauki ["Life is short, we must hurry": Journalism of the classics of Russian science]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
3. Rychkov, A.V. (2013) Nauka i sel'skoe khozyaystvo v SSSR vo vtoroy polovine XX veka: osnovnye problemy vzaimodeystviya [Science and agriculture in the USSR in the second half of the twentieth century: the main problems of interaction]. *Vestnik gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya*. 2 (21). pp. 81–84.

4. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 416. Page 1. (In Russian).
5. Vavilov, N.I. (1987) *Organizatsiya sel'skokhozyaystvennoy nauki v SSSR: Izbrannye stat'i i vystupleniya* [Organization of agricultural science in the USSR: Selected articles and speeches]. Moscow: Agropromizdat.
6. Rychkov, A.V. (2013) Scientific and introductional "balancing act" of the academician T.D. Lysenko. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4 (121). pp. 16–20. (In Russian).
7. All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1948) *O polozhenii v biologicheskoy nauke: Stenograficheskiy otchet sessii Vsesoyuznoy akademii sel'skokhozyaystvennykh nauk imeni Lenina 31 maya – 7 avgusta 1948 g.* [On the situation in biological science: Verbatim report of the session of the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after Lenin of May 31 – August 7, 1948]. Moscow: OGIZ-Sel'khozGIZ.
8. Dvoryankin, F.A. (1964) *Darvinizm: kurs lektsiy po istorii evolyutsionnogo ucheniya i problemam darvinizma* [Darwinism: a course of lectures on the history of evolutionary doctrine and the problems of Darwinism]. Moscow: Moscow State University.
9. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 921. (In Russian).
10. Kolupaeva, A.P. (ed.) (1976) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of a party worker]. Moscow: Politizdat.
11. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 923. (In Russian).
12. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 3106. (In Russian).
13. Smirtyukov, M.S. & Bogolyubov, E.M. (eds) (1978) *Leninskaya agrarnaya politika KPSS: sb. vazhneyshikh dokumentov (mart 1965 g. – iyul' 1978 g.)* [Lenin's agrarian policy of the CPSU: collection of the most important documents (March 1965 – July 1978)]. Moscow: Politizdat.
14. Sil'vanovich, M.I. (ed.) (2011) *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [The Time of Manyakin. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve.
15. Khramtsov, I.F. & Koshelev, B.S. (2015) *Razvitie sel'skokhozyaystvennoy nauki v Omskom regione* [The development of agricultural science in the Omsk region]. Omsk: SibNIISKh; Omsk State Agrarian University; LITERA.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 417. (In Russian).
17. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1982) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1981 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1981]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
18. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1984) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1983 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1983]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
19. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1981) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1980 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1980]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
20. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 591. List 1. File 244. (In Russian).
21. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 591. List 1. File 242. (In Russian).

Received: 15 May 2017